

ИМЕНОВАНИЕ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

АНОТАЦІЯ

Розглянуто вчення про іменування як складову філософії діалога. Особлива увага приділена працям О.Ф. Лосева і П. Флоренського. Іменування розглядається як творчий процес, що виявляє себе у теоретико-філософському та емпіричному аспектах. У останньому випадку мова йде про іменування новонароджених, у якому так чи інакше приймає участь кожний, хто приходить в цей світ.

Ключові слова: іменування, філософія діалога, творчий процес.

АННОТАЦИЯ

Рассмотрено учение об именовании как составляющей философии диалога. Особое внимание уделено трудам А.Ф. Лосева и П. Флоренского. Именование рассматривается как творческий процесс, имеющий теоретико-философский и эмпирический аспекты. В последнем случае речь идет о процессе именовании новорожденных, в котором так или иначе участвует каждый, кто приходит в этот мир.

Ключевые слова: именование, философия диалога, творческий процесс.

SUMMARY

The article considers the naming doctrine as a part of the philosophic dialogue. A lot of attention is paid to the works by A. F. Losev and P. Florensky. The naming is regarded as a creative process, which has theoretic philosophical and empirical aspects. In the latter case, the article concentrates on the process of naming newborn children, in which every human being takes part.

Keywords: naming, philosophy of dialogue, creative process.

Любое философское знание диалогично. Даже внешне самые замкнутые и самодостаточные системы (например, система Гегеля или философствование Ф. Ницше) всегда полемически заострены, находятся в открытом или завуалированном диалоге-полемике с иными мыслителями и учениями. Вместе с тем, существует и так называемая философия диалога, представленная именами Л. Фейербаха, М. Бубера, М. Бахтина, С. Франка, П. Флоренского, В. Библера, Ю. Лотмана и многих других.

С другой стороны, при характеристике творчества упор нередко делается как раз на его диалогичности, на наличии в его процессе реального или воображаемого собеседника. Создание чего-то нового, социально значимого порождает вопросы о том, по сравнению с чем это новое является значимым и для кого оно значимо.

Диалог и творчество имеют прямое отношение к заявленной теме. Ибо именование и его разновидность – именование – связаны с поиском и определением некоего события, факта, предмета, человека, наконец,

то-есть, с поиском словесного эквивалента, наиболее адекватно отражающего сущность и содержание обозначаемого. Или в общелингвистическом смысле любое понятие, слово – изреченное или написанное (и даже то, которое остается невысказанным, так сказать, по умолчанию), так или иначе уже включается в мыслительный процесс, в том числе и в диалог. Проблеме именованию посвящен достаточно широкий круг литературы – как богословской, так и философской. В последнем случае обратим внимание на работы отечественных мыслителей: «Философию имени» Алексея Федоровича Лосева [3] и «Имена» отца Павла Флоренского [6]. Обе работы написаны авторами в 20-е годы XX века и заново опубликованы уже в 90-е годы. А.Ф. Лосев написал свою книгу в 1923 году, опубликована она была в 1927 году. Как отмечается в «Примечаниях» к книге, написанных А.А. Тахо-Годи и Л.А. Гогтишвили, данная работа строилась автором как «последовательное развитие доктрины имяславия, хотя и сам термин и религиозная сторона вопроса не фигурируют в тек-

сте непосредственно» [З с.602]. Тут же следует пояснение, что имяславие – это религиозное течение в православии начала XX века. Философской основой имяславия считалась православная доктрина энергетизма, а предтечами – средневековые религиозные мыслители Григорий Синаит, Григорий Палама и течение исихазма в целом» [З, с. 603]. Не вдаваясь в подробности, отметим, что «в 1913 году Синод РПЦ осудил имяславие, признав его ересью». Сущность имяславия отражена в краткой формуле этого учения: «Имя Божие есть сам Бог, но Бог сам не есть ни имя Божие, ни имя вообще». Диалектическое развертывание этого тезиса, по словам комментаторов труда, увязывание его с доктриной православного энергетизма требовало развитого философско концептуального аппарата, который Лосев и старался дать в «Философии имени». В сохранившемся проспекте новой книги автор писал, что он собирается на... ярчайших образцах социальной силы имени показать и вскрыть значение имени вообще и развить кроющуюся здесь философскую систематику понятий... Сила имени в теперешней жизни, несмотря на ее полное удаление от живой религии, несколько не уменьшилась. Мы перестали силою имени творить чудеса, но мы не перестали силою имени завоевывать умы и сердца, объединять ради определенных идей – тех, кто раньше им сопротивлялся, и это – ничуть не меньше магия, чем та, о которой читают теперь только в учебниках»[3]. И уже в тексте самой работы А. Ф. Лосев отмечает, что «мышления не существует без слов. Слово и, в частности, имя есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения...». Без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием» [З, с. 25].

И далее: «Слово – могучий деятель мысли и жизни, слово поднимает умы и сердца, исцеляет их от спячки и тьмы. Слово двигает народными массами и есть единственная сила там, где, казалось бы, уже нет никаких надежд на новую жизнь. Когда под влиянием вдохновенного слова пробуждается в рабах творческая воля, у невежд – светлое сознание, у варвара – теплота и глубина чувства; когда родные и вечные слова и имена, забытые или даже поруганные, вдруг начинают сиять и светом и силой и убеждением, и вчерашний лентяй

делается героем, вчерашнее тусклое и духовно-нищенское состояние – ярко творческим и титаническим порывом и взлетом; называйте тогда это как хотите, но, по-моему, это гораздо больше, чем магия, гораздо сильнее, глубже и интереснее, чем какая-то там суверенная и слабенькая «магия», как она представляется выжившим из ума интеллигентам – позитивистам. Без слова нет ни общения в мысли, в разуме, ни тем более активного и напряженного общения. Нет без слова и имени также и мышления вообще» [Там же].

«Можно мыслить и без слова, – замечает автор, – молча, но для этого надо подняться над словом. И оно продолжает играть в мышлении свою великую роль, хотя уже в невидимой форме фундамента и первоначального основания...».

«В слове и в особенности в имени – все наше культурное богатство, накапливаемое в течении веков, и не может быть никакой психологии мысли равно как и логики, феноменологии и онтологии, вне анализа слова и имени. В слове и имени – всех возможных и мыслимых пластов бытия» [Там же].

И, наконец, «в имени – сосредоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человеческо-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни... Слово и имя – наиболее напряженный и наиболее показательный результат мышления, мы и должны, не боясь теории, дать общий анализ слова, или имени, с той целью, чтобы в дальнейшем ясны были пути и методы собственного научно-эмпирического анализа, будь-то языкознание, психология или какая-нибудь иная эмпирико-индуктивная дисциплина» [Там же].

Сам автор стремится раскрыть диалектику имени и его работа подчеркнута теоретична, выдержана в строго концептуальном тоне. Вместе с тем философия «имени» глубоко эзотерична, хотя А.Ф. Лосев и не использует термина имяславия, и не упоминает православия как одного из традиционных субъектов именования.

Следует отметить, что идея имяславия нашла поддержку и отражение в творчестве таких философов русского религиозного воз-

рождения, как В. Эрн, С. Булгаков и особенно Павел Флоренский. Перу последнего принадлежит работа «Имена», посвященная раскрытию теоретико-философского и эмпирического аспектов именования. Если труд А.Ф. Лосева носит в какой-то мере завуалированный и нарочито-теоретический характер, то произведение П. Флоренского написано простым, ясным языком, в нем мало понятных для 20-30 годов умолчаний относительно религиозной подоплеки именования. Структурно оно состоит из двух частей – теоретической и эмпирической. В первой рассматриваются различные аспекты философии имени с определенным уклоном в проблематику теории литературно-художественного творчества. Во второй части дается описание типических проявлений ряда распространенных имен.

Кроме указанных авторов и их работ, упоминания заслуживает вышедший в 1998 году в харьковском издательстве «Торсинг» двухтомник «Тайна имени», где наряду с полным текстом «Имен» П. Флоренского опубликованы также работы Л. Успенского, С.Р. Минцлова, Пьера Руже, В.А. Менделеева, В.Г. Гитина, Ф. Величко, С. Попова, Р. Кавендиша, посвященные именам и именованиям [5].

Но возвратимся к работе Отца Павла Флоренского. А.П. Мумринов характеризует ее как такую, в которой представлена оригинальная теория художественного творчества где показано, как неповторимость художественного образца, порождаемого самим звучанием имени героев произведения, которое избирает автор, творит ткань художественного произведения [6]. При этом П. Флоренский не только выявляет тот факт, что «в слове заключен образ», но что также «эссенция слова, сгущенная его энергия в имени», неразрывно связана с порождающей энергией бытования образа [6, с. 413].

Автор от отдельных примеров влияния выбора имен героев на произведения Бомарше, Флобера, Бальзака, В. Гюго переходит к анализу творчества великого русского поэта А.С. Пушкина, который в поэме «Цыганы» очень выпукло и ярко раскрывает эту грань своего творческого дара [4, с.76-93].

П. Флоренский показывает и доказывает, что выбор имен главных героев и героинь поэмы (Алеко, Земфира, Мариула) не выглядит чем-то случайным, а тщательно отобранным

и несущим в себе определенную символику, связанную с индивидуальными проявлениями героев и с их социальным бытием. И здесь оказывается, что символический центр поэмы – не Алеко, и не Земфира, а мать последней – Мариула. Именно она есть воплощение цыганки. П. Флоренский пишет: «Цыганы» есть поэма о Мариуле, иначе говоря, все произведение роскошно амплицирует духовную сущность этого имени и может быть определяемо, как аналитическое суждение, подлежащее коего – имя Мариула. Вот почему носительница его – не героиня поэмы: это сузило бы его значение и из подлежащего могло бы сделать одним из аналитических сказуемых, каковы, например, и Земфира, и Алеко, и другие. Мариула – это имя – служит у Пушкина особым разрезом мира, особым углом зрения на мир и оно не только едино в себе, но и все собою пронизывает и определяет. Имеющему уши слышать – это имя само по себе раскрыло бы свою сущность как подсказывало оно Пушкину поэму о себе... Но и раскрываясь в поэме и поэмах, оно пребывает неисчерпаемым, всегда богатым. Имя – новый высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развернуто сполна. Отдельные слова лишь направляют наше внимание к нему. Но как имя воплощено в звуке так и духовная сущность его постигается преимущественно вчувствывованием в звуковую его плоть. Этот звуковой комментарий имени Мариулы и содержится в «Цыганах» [6, с 355].

П. Флоренский во многом в своем анализе следует за своим предшественником – поэтом – символистом Вяч. Ивановым, который также, разбирая поэму «Цыганы», отмечает, что главное внимание поэт уделил женскому типу, а не мужскому. «Этот основной женский тип, – пишет Вяч. Иванов, – сочетался в фантазии поэта глубоко с таинственным и музыкальным именем Мариула. Синтетический тип цыганки сроднился для поэта с этим звуком: Мариулой окрестил он мать Земфиры, очерченной в рассказе старого цыгана почти с большей яркостью, чем когда выступает хор главной героини из самого действия...»[2].

Вячеслав Иванов и Павел Флоренский в этой связи приводят очень характерное четверостишие из поэмы:

В походах медленно любил

Их песен радостные гулы,
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил [Там же].

П. Флоренский отмечает, что «рифмы «гула», «блеснула», «кагула», отвечают основному звуку «Мариула». По его предположению, можно было бы по всей поэме проследить указанное звукостроение из У, Ю, Ы, О... [6, с.355].

В то же время приведенное выше четверостишие и связанные с ним ассоциации Вяч. Иванов характеризует следующим образом: «Эти звуки, полные и гулкие, как отголоски кочевий в покрытых седыми волнами ковыля раздольях, грустные, как развеваемый по степи пепел безыменных древних селищ или костров, случайных становий, которые много лет спустя наводили на поэта сладкую тоску старинных воспоминаний, приближают нас к таинственной колыбели музыкального развития поэмы, отличают первое чисто звуковое заражение певца лирического стихией бродячей вольности, умеющей радостно дышать, дерзать, любя даже до смерти, и бодрствовать смиренномудро» [2].

Далее В. Иванов воспроизводит звуковую симфонию, возникающую по воле поэта в данном произведении: «Фонетика мелодического стихотворения обнаруживает как бы предпочтение гласного звука У, то глухого и задумчивого, уходящего в былое и минувшее, то колоритно-дикого, то знойного и узывно-унылого; смуглая окраска этого звука или двигается в рифме, или усиливается оттенками окружающих его гласных сочетаний и аллитерациями согласных; и вся эта живопись звуков, смутно и бессознательно прочувствованная уже современниками Пушкина, мощественно способствовала установлению их мнения об особенной, магической напевности нового творения, изумившей тех, которые еще недавно были упоены соловьиными трелями и фонтанными лепестками и всею властною музыкой песни о садах Бахчисарая» [там же].

В художественном творчестве процесс именованья может осуществляться автором как сознательно, так и неосознанно, хотя в том и другом случае срабатывает творческая интуиция: «Иногда формирование (художественного) типа около имени происходит не вполне сознательно, и поэт, опираясь на интуитивно

добытое им имя, сам не вполне знает, как дорого оно ему. Лишь при необходимости расстаться с ним обнаружилась бы существенная необходимость этого имени, как сосредоточия и сердца всей вещи. Но не всегда это делается так уж бессознательно: вдохновение знает, что делает» [6, с. 352].

За поэтическим именованьем, как отмечает Вяч. Иванов, Пушкин берет вещи и их отношения «эйдетически», неизменно выявляя в них идею как прообраз. Отсюда естественное оживление вещей... Если принимать идею не как отвлеченное понятие, а как реальность умозрения у Платона, - вещи тем более живы, чем яснее напечатлеваются на них животворящая и связующая их с живым целым идея...» [2].

Таким образом, по Вяч. Иванову и П. Флоренскому, «художественные темы есть имена как проявления духовной сущности». Итак, имя в художественном произведении воплощает в себе художественный тип. А это уже – глубокие обобщения действительности; хотя и подсознательные, но чрезвычайно общие и чрезвычайно точные наведения. Художественный тип сгущает восприятие и потому правдивее самой жизненной правды и реальнее самой действительности. Раз открытый, художественный тип входит в наше сознание как новая категория мировосприятия и миропонимания» [6, с. 361].

И вот как раз имя является сосредоточенным ядром самих образов, которые и есть не что иное, как «имена в развернутом виде». А «полное развертывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля соответственных имен. Художественные же образы – промежуточные степени такого самораскрытия имен в пространстве произведения – то тело, в которое облекается самое первое из произведений незримой и неслышной, недоступной ни восприятию, ни постижению в себе и для себя существует духовности сущности – имя». [6, с. 362].

Таким образом, именованье в литературном творчестве связано с теорией вопроса через художественный тип, образ, категорию познания личности.

Нечто сходное с именованьем в литературном творчестве имеет место и в других типах духовного творчества, в частности, в

научном, философском. Даже в самых элементарных актах, например, в поиске заголовка, названия – тезисов, статей, рефератов, диссертации и т.п. – осуществляется обобщение, сходное с именовани­ем в поэзии. Ибо здесь также необходимо, чтобы выбранный заголовок нес в себе обобщение содержания текста, выражал его суть. Как правило, более удачным сочетанием содержания написанного и его согласование с заголовком является тогда, когда заголовок уже найден, и под него конструируется содержание. Так и с именами.

В именовании существует своя иерархичность. И в этом смысле, как замечает А. Мумриков, для П. Флоренского поэтическое инобытие – не последний предел возможного для человека восхождения, которая может осуществляться «в соседство Бога» – это уже подвиг святости: «и оттуда, от небесного чертога, где обитает святой, он несет на соименные существа энергию своего имени [6, с. 414].

«Пытаясь строить универсальную систему именотворчества, П. Флоренский приходит по существу к единой теории, связывающей личность с культурой через типологию имени и с социальной проблематикой через фольклор и архетипы народного сознания» [6, с. 414]. Это и составляет как бы нижние, эмпирические уровни, именован­ия. Разумеется, здесь исследователь сталкивается с ситуацией, когда в мифотворческом народном сознании образ является, по словам того же Вяч. Иванова, не данным, а заданным..., оно включает в себя или предполагает пра-миф» [6, с. 414].

П. Флоренский связывает разные уровни именован­ия как творческого процесса, хотя и разнородного по своему содержанию, мыслью о том, что имена здесь – категории познания личности. «И тогда личность сама по себе представляет как соединяющая в себе народное сознание с типологической определенностью своего имени» [6, с. 414].

И далее: «Имя есть тип, духовная конкретная норма личностного бытия как идея, а святой есть наилучший выразитель» Тем самым автор как бы перебрасывает мостик от теории и психологии творчества к социологическому аспекту «бытования имени». И в этом смысле имена определяются П. Флоренским как «форма социальной энергии», и далее речь идет о культурном фоне, порождаемом именем. При этом историческая типология имен складыва-

ется в логику общественных отношений. Автор на примере имен «Иаков» и «Варфоломей» показывает, как события истории связаны с их носителями. Далее П. Флоренский переходит к изложению жизненного цикла личности на протяжении всей жизни человека от «райского» периода (до 3,5 лет) до формирования «Я» и до становления устоявшегося типа носителя данного имени.

В последующих главах работы П. Флоренский через социальную психологию имени как системы выявляет вместе с тем связь имени и рода. Перед всяким человеком стоит задача – познать свое собственное место в роде и свою личную задачу как члена рода. Здесь же устанавливается связь господствующих в обществе нравов, ценностей личности с наследственными признаками. Вместе с тем, связь личности и имени не носит жестко закрепленного характера – каждый человек в этом смысле достаточно «пластичен»: наряду с индивидуальной определенностью ему присуща некая свобода, в рамках которой осуществляется его жизненный путь.

Второй том сборника «Тайна имени» предваряют в качестве эпиграфа слова Павла Флоренского: «Имя действительно направляет жизнь личности по известному руслу и не дает потоку жизненных процессов протекать где попало. Но в этом русле сама личность должна определить свое нравственное содержание» [5, т.2, с.1].

Религиозный аспект именован­ия проявляется как придание имени младенцу в честь определенного святого, и обряд этот в прошлом всецело был отдан в руки священников. И не всегда имена в святцах могли носить благозвучный и приемлемый характер. Сегодня влияние церкви в этом значительно уменьшилось и по сложившийся в советские времена традиции, даже если осуществляется крещение в церкви, инициатива принадлежит родителям, а священник, как правило, соглашается с ними. Если взять, например имена, которые давали представителям нашего рода в прошлом и в современных условиях, то чем дальше уходить в историю рода, то тем чаще наблюдается церковное влияние, которое к нашим дням сводится к минимуму (так, у предков, родившихся до 1917 года, встречаются такие имена: Марк, Иов, Софья, Емельян, Трофим, Данила, Степан, Прохор, Федор, Ульяна,

Григорий, Иван, Дорофей... В поколении начала первой трети XX века: Кузьма, Лидия, Анатолий, Людмила, Николай, Дмитрий, Наталья, Валентина, Федора, Мария, Анна, Дарья, Роман, Василий, Петр, Яков, Константин, Иосиф... Среди тех кто родился в середине века преобладают поименованные родителями по своему желанию и даже произволу, но отнюдь не по церковным святцам: Петр, Владимир, Сергей, Вера, Нина, Алексей, Павел, Галина, Николай, Валерий, Татьяна, Михаил, Владимир, Александр, Павел, Борис, Иван.... И уже в четвертом поколении можно встретить самые разные имена: появившиеся в честь своих предков, в силу моды на то или иное имя, просто потому, что понравилось родителям, приятно их слышать...).

Как и в творчестве литературном, в так называемом народном творчестве существуют индивидуальные и личностные формы. На индивидуальном уровне, идет ли речь о поэзии или об именовании младенцев, налет произвола и субъективности всегда выше, ибо здесь «один говорит от себя самого и под своею только ответственностью». (Ведь и поэты бывают разного уровня: А. Пушкин или Б. Пастернак, и уровня провинциальных рифмоплетов). В народном же творчестве риск субъективизма и элемент случайности значительно, на первый взгляд больший, но это не так. Здесь, как отмечает П. Флоренский, «всегда все творится вновь и поэтому все непрестанно проверяется опытом жизни», здесь «нет ничего раз навсегда признанного и положенного, но при каждой передаче подлежит очистке от субъективных примыслов, – где каждое словесное достижение полируется самим пользованием, там устойчивость и сущность имен должна особенно обнаруживаться, если только они сущностны, и – решительно опровергаться, если они не таковы» [6, с.364].

У народного именованья существуют и иные механизмы ограничения субъективизма и произвола. Один из них заключается в том, что, как правило, то или иное имя не воспринимается само по себе, а всегда включено, в именной ряд: род (фамилия) – имя – отчество – кличка (прозвище). Вписываясь в более широкий контекст культурно-исторических условий и факторов (национальность, страна и время жизни, раса, пол, телесность и т.п.) эти показатели создают целостную картину

личностного самоопределения человека и его судьбы. В этой совокупности показателей все-таки главная роль отводится имени. П. Флоренский так пишет об этом: «Какой бы род народной словесности мы ни взяли, непременно встретимся с типологией личных имен. Определенным именам... соответствуют в различных произведениях одни и те же типы, одни и те же не только в смысле психологического склада и нравственного характера, но и в смысле жизненной судьбы и линии поведения. Это значит: в народном сознании именем определяется не только отдельные признаки или черты, порознь взятые, т.е. одномерные и двухмерные разрезы духовного организма, но и трехмерный разрез его – мгновенное соотношение элементов личности, и этим дело не ограничивается, ибо организм личности, четырехмерен, и биография его – это его четырехмерная форма. Предуказание именем судьбы и биографии – в произведениях народной словесности служит свидетельством, что для народного сознания есть четырехмерная временно-пространственная форма личности, ограничивающая ее от головы до пят, от правого плеча до левого, от груди до спины и от рождения до могилы. Краткая же формула содержания в этих границах – есть имя» [6, с.364].

Но не только. Как уже отмечалось, другие идентифицирующие показатели (род, отчество, прозвище) углубляют и расширяют представление о личности, конкретизируют возможные перипетии в ее судьбе, концентрируют в себе те особенности, которые недостаточно были очерчены именем.

П. Флоренский связывает тип имени с представительством рода и говорит о «родовой ответственности и ее значении». А. Мумриков в этой связи приводит следующую цитату из размышлений П. Флоренского на эту тему: «Жизненная задача всякого – познать строение и форму – своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей, и их частные задачи, а на фоне всего – познать собственное свое место в роде и собственную свою задачу, не индивидуально свою, поставленную себе, а свою как члена рода, как органа великого целого, только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества» [Цит. по:

б, с. 415].

П. Флоренский еще раз отмечает, что имя – это «ядро личности, ее существеннейшая форма; воплощаясь, эта форма обрастает кольцом второстепенных ономотологических символов, которые своей совокупностью и совместно с тем, главенствующим, символом образуют полное имя данной личности» [б, с.407]. У отдельных людей в повседневной жизни в этой связке – род (фамилия) – имя – отчество по тем или иным причинам на первом месте, наиболее значимым является то или иное звено цепи. Так, отчество подчеркивает духовную связь с отцом, фамилия – с родом. «В известном возрасте, пишет П. Флоренский, когда личность еще не усохла и не выступили в ней индивидуальные линии, то могут поверхностному наблюдению быть особенно явными черты родовые, и именно отцовские... В таком случае и имя отцовское, через отчество, явно преобладает над собственным именем данного лица. Если имя личное и имя отца весьма далеки друг от друга ко своему характеру и потому вкус того и другого в личности может быть легко различаем, то с особенной ясностью тогда в некоторых случаях чувствуется окружающими внутренняя необходимость перевернуть имя и отчество и сделать из личного имени – отчество, а из отчества – имя...». И далее: «Известные оттенки индивидуальности выражаются и формируются различными особенностями в сочетании имен. Так, есть люди какие-то безотцовские, и во всем складе их чувствуется, что они рождены собственно только матерью, а отец участвовал тут как-то между прочим, не онтологически. В отношении таких людей, хотя бы и взрослых, даже известных, отчество, если и прибавляется, то лишь внешне, из корректности, естественное же движение, даже у мало знакомых, называть их только по имени или по имени и фамилии: (Пушкин для всех Александр Сергеевич, Толстой – Лев Николаевич, но Иванов – Вячеслав, Волошин – Максимилиан)... Бывают люди, в которых лично индивидуальный момент настолько теряется в бытовом и родовом, что естественно именование их по одному только отчеству; так, в крестьянстве, где слитность рода и общества особенно прочна и индивидуализация выражена соответственно слабо., устанавливается обычай именовать почтенных людей лишь по отчеству» [б, с.408].

Особый слой именовании в народном творчестве составляют поговорки и пословицы и поговорки об именах, частушки, иногда песни, а также прозвища, которые наиболее ярко показывают сущностные особенности личности и служат в качестве дополнительной ее характеристики. «Сложные системы признаков – психические склад и нравственный характер отмечаются отчасти произведениями уже перечисленных родов, отчасти песнями, былинами, духовными стихами и легендами, и сказками... Последние... выразительно представляют биографическое движение личности известного имени, – ее путь, ее судьбу, – кривую ее жизни» [б, с.365].

Анализ показывает что именно прозвища, дразнилки выделяют в человеке один, но наиболее отличающий, его характерный именно для данного индивидуума признак. Их типология весьма разнообразна – от фиксирующих этнические особенности (немец, цыган и т. п.), исторических имен (Наполеон, Ленин, Чомба) героев книг или фильмов (Питкин), фиксирующих физические особенности (рыжий, хромой); сокращенные варианты фамилий (Фэбра, Хайленок, Кочеток), уменьшительные имена (Проня, Стёня, дед Гришечка, дед Олес (Александр), Федора, Лиса (Елизавета), Нюнечка, Нюраха и т.д.)

В песнях, частушках и прозвищах как бы встречаются народное, литературное и быденное наименование. В одних случаях, в имени-прозвище народное творчество отмечает... тот или другой отдельный признак или некоторое небольшое число их, особенно существенных, а то – хотя и не существенных, но, очевидно, по коррелятивности с какими-то существенными, но расплывчатыми для формулировки, очень метко и неслучайно подсмотренными носителями данного имени. Такой признак нередко покажется второстепенным и прихотливым; но это он именно сокращенно свидетельствует о целом мире внутренних соотношений, он – незначительный сам по себе, но наиболее четкий показатель сложной системы корреляций. Такой признак – эмблема личности, и знающий прочтет по нему больше, чем из обширного, но вялого повествования» [б, с.364-365].

В тексте П. Флоренского – как в первой, так и во второй части работы – достаточно много конкретных примеров имен, так или иначе влияющих на судьбы людей. Прежде

всего речь идет о святых, имена которых давали младенцам в соответствии со святцами. Здесь также бывало все – и случайные, и неблагозвучные имена наряду с благозвучными и соответствующие именам святым. При этом различались имена святых праведников и святых мучеников. Соответственно, различались имена младенцев. П. Флоренский пытается выстроить и здесь некую иерархию имен. В ней оказываются не только имена святых, приносящих тому, кто его носит, удачу и счастье, но и несчастливые имена. Так, автор ссылается на раздел из книги Максимилиана Волошина «Лики творчества» «Пророки и мстители» [1], в котором автор развивает мысль о том, что в числе таковых – имена Якова и Варфоломея. Причем, их негативный потенциал – не только на уровне биографий отдельных людей, но и в культурно-историческом пространстве.

Дополнительный анализ влияния именования на эмпирическом уровне на примерах собственных родовых имен в целом подтверждает выводы П. Флоренского.

Таким образом, еще более расширяется тема именования, приобретающая значимость не только в теоретическом аспекте, но и на уровне эмпирии, все более приближаясь к жизненной судьбе каждого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин Максимилиан. Пророки и мстители.// Лики творчества. – Л.: Наука, 1988–С. 188-208.
2. Иванов Вячеслав. О «Цыганах» Пушкина [Электронный ресурс http://rvb.ru/ivanov/vol4/01text/02papers/4_165.htm]
3. Лосев А.Ф. Философия имени// Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990.– С.9-192
4. Пушкин А.С. Цыганы// Пушкин А.С. Избранное произведения.– Симферополь: Таврия, 1979. – С. 76-93.
5. Тайна имени. Сборник. В 2-х томах. Т1; Т2.– Харьков: Торсинг, 1998.– 608с.
6. Флоренский П. Имена// Опыты. Литературно-философский сборник. – М.: Советский писатель, 1990 – с. 381-412.

